

глава десятая

ГАРЛЕМСКИЙ МИР

НЬЮ-ЙОРК, шт. Нью-Йорк

январь 1964 – июль 1965

«Гарлемским Миром мы называли музыкальную сцену – черную музыкальную сцену. Это было также широким понятием, которым мы описывали девочек, сообщество, шумиху. Затем появился клуб «Гарлемский мир»

- друг Тунде-Ра Алим

ДЖИМИ ПРИБЫЛ впервые в Нью-Йорк Сити в 1964 году. Проведя большую часть своей жизни в Сиэтле, где черных было меньшинство, он сильно удивился Гарлему, где проживало более полумиллиона афроамериканцев. Плотное сочетание культуры и политики делало его столицей черных Америки в те времена. Джими направился в отель на 125 улице, где за комнату в отеле на неделю надо было заплатить 20 долларов и поставить свою подпись.

Вскоре выяснилось, что работы, ради которой он приехал в Нью-Йорк уже нет. В городе он никого не знал, и он начал ходить по клубам типа *Small's Paradise* и *Palm Café*, в надежде устроиться кому-нибудь подыгрывать. В первый месяц в Нью-Йорке он стал первым в любительском конкурсе проходившем по средам в *Apollo Theatre*, выиграв 20 долларов. Этот приз тем не менее не принес ему работы, что стало большим разочарованием. Джими открылось, что несмотря на огромную музыкальную сцену Нью-Йорка, туда было тяжело попасть. Он полагал, что здесь придется легче, чем в Нашвиле, однако выяснилось, что гарлемская сцена была очень тесной. Ритм-н-блюз, джаз и блюз были единственными признаваемыми жанрами и надо было играть строго в той же манере, как это делали классики. «Черные не хотели слушать рок-н-роллы в Гарлеме», – вспоминал Тахарка Алим. «Был дресс-код – если ты не выглядишь, не звучишь как надо, то ты был не у дел. По сравнению с остальной частью города, Гарлем был как другая планета. Местную сцену мы называли «Гарлемский Мир», потому что весь наш мир был сосредоточен здесь».

Вскоре после приезда в Нью-Йорк, Джими встретил Лисофейн Приджин, свою первую гарлемскую подружку. Фейн, как ее называли, была красивой афро-американской девушкой, которая выросла на улице и к своим двенадцати была уже неотъемлемой частью Гарлема. «Фейн была супергруппис», – вспоминает Тахарк, который потом женился на ней. «Она была на Отисе Реддинге и Джеймсе Брауне; она знала всех этих ребят». Некоторые называли ее «Аполло Фейн». Потому что она частенько тусовалась за кулисами этого знаменитого заведения. Во время их первого свидания она взяла Джими домой к своей маме на ужин. Ее мама любила готовить и Джими, который всегда голодал, мог там поесть. Фейн потом написала в статье для *Gallery*, что когда она познакомилась с Джими во время оргии, на которую совершенно не понятно как он мог получить приглашение. Приджин с удивлением обнаружила, что Джими чрезвычайно старомодный: он часто рассказывал о своей школьной подруге Бетти Джин.

Парочка переехала в отель *Seifer*, а затем стала жить вместе с мамой Фейн. В статье Фейн в *Gallery* она описывает свои отношения с Джими, как отношения основанные на сексе. «Вся наша активность проявлялась лишь в кровати», – писала она. «Он залетал в кровать также грациозно, как водитель лесовоза из Миссисипи набрасывается на тарелку салата с кукурузной лепешкой после десяти часов на солнце без крошки еды во рту. Кроме того, он был очень изобретателен в постели. Он делал на бис, а потом еще на бис». Сексуальные аппетиты Джим были неумными, согласно Приджин: «Он

буквально рвал меня на части». Единственная страсть, которая могла сравниться с его сексуальностью – это его любовь к игре на гитаре, и она все время как будто соревновалась «не с женщиной, а с гитарой». Вскоре Джими и Фейн стали ссориться по этому поводу, а также и по другим поводам. В одном из писем Джими писал, что когда он изредка отъезжал из Гарлема на какое-либо выступление, он умолял никого не слушать, кто бы о нем чего не говорил плохого. «Не слушай этих нигеров с улицы», – писал он. Другим поводом стал отказ Джими однажды взять Фейн с собой на концерт. Он это объяснил следующим образом: «Ты же знаешь, как я ненавижу куда-то выбираться, когда не уложены мои волосы». Джими был помешан на своих волосах и часами укладывал их так, как ему хотелось. Тогда это было одной из его гордости: он был плохо одет, его ботинки были не по размеру, взятое у кого-то пальто, едва не давало ему замерзнуть, но его прическа должна быть идеальной, куда бы он ни шел.

Несмотря на то, что Джими был увлечен Фейн, им интересовались и другие, в том числе одна из подруг Фейн. Объяснив, почему она таскает везде своего друга, Фейн пригласила Тахарку Алима и сообщила о том, что это двойное свидание. Тахарка пришел со своим близнецом – Тунде-Ра, в результате их стало пятеро и вечер стал мало похож на романтический. Алим, называемые «близняшками», родились и выросли в Гарлеме и обладали твердостью, которой не хватало Джими. «Мы сразу же его полюбили», – вспоминала Тунде-Ра. «Он был очень проницательным в своем молодом возрасте». В результате Джими всю ночь развлекал Фейн, ее подругу и Алимов историями из его турне по Югу, аккомпанируя себе на гитаре. Через месяц после приезда в Нью-Йорк у него появились первые фанаты в Гарлеме.

Алим были сами музыкантами, но временно покинули сцену, так как продавали наркотики. Они работали на «Жирного Джека» Тейлора, у которого была записывающая компания, но деньги зарабатывал на наркотиках. «Он был один из самых крупных нарко-царей Гарлема», – вспоминает Тунде-Ра. Гарлемские клубы были забыты наркотиками, проституцией и азартными играми, все, что Джими уже видел, но только в меньшей степени, в Сиэтле на Джексон Стрит. Только в Гарлеме эти вещи были неразрывно связаны с музыкальной сценой и были большим бизнесом. «Жирного Джека был похож на героя из произведений Чарльза Дикенса», – вспоминал Тахарка. «Там всегда присутствовали большие парни и красивые люди, но, конечно же, были и темные стороны. Тогда мы думали, что это путь выбраться из бедности».

Никто со Сцены не был беднее Джими, и Жирный Джек предложил ему связаться с наркотиками. Джими не поддавался искушению и остался верен себе и своему внутреннему голосу, который говорил, что музыка – это его призвание в этой жизни. Он как-то пояснил свою позицию о работе в не музыки одному из журналистов: «Люди говорили «Если у тебя не будет работы, ты умрешь от голода». Но я не хотел зарабатывать как-то иначе. Я попробовал работать, например, парковщиком, но через пару недель всегда

уходил». Его преданность музыкальной мечте заставило Алимов поменять работу. В наступившем году они завязали с наркотиками, и перешли в музыкальную индустрию. Вообще говоря, Джими противоречил себе, говоря о музыкальной приверженности: на протяжении всего времени общения с Алимами у него не возникало проблем в оплате жилья, деньги на которое у него были от продажи наркотиков. Его приверженность музыке была возможно только благодаря покровительству кого-то со стороны. Джими не был пуританином в отношении сексуальной морали. Одна из первых работ, которые он получал в Нью-Йорке, заключалась в сопровождении стриптизерши по кличке Пантера. «Она была экзотичной тансовщицей со змеей», – вспоминал Тунд-Ра алим. «Мы ездили за ней по всему штату, и Джими иногда присоединялся к нам и создавал музыкальный фон».

Чего Джими хотел более всего, так это присоединиться к выступлениям какой-либо выдающейся группы. Благодаря Фейн, однажды он попал в *Apollo Theater* на Сема Кука, одного из ее предыдущих парней, и спросил его о работе. У Кука уже был гитарист, но Джими все же осмелился попытаться. Судьба смилостивилась над ним, когда в 1964 году он узнал, что *The Isley Brothers* ищут нового гитариста. Его первая встреча с ними состоялась 9 февраля 1964 года в их доме в Нью-Джерси. Этим вечером показывал *the Beatles* в «Шоу Эда Салливана» и Джими с *the Isley* смотрели это историческое шоу вместе, еще не предполагая, что это событие изменит Америку и сделает рок-н-ролл основным музыкальным жанром во всех чартах.

К марту Джими стал членом группы *the Isley Brothers*. Его первая студийная запись состоялась для композиции «*Testify*», которая стала небольшим хитом. Весенний тур состоялся по всему восточному побережью, по *Читлин Сёкет*, и даже на Бермудах. Когда группа летом вернулась в Нью-Йорк, то Джими снова пошел с группой в студию, где они сделали несколько хитов, в том числе «*The Last Girl*», в которой бек-вокалисткой стала молодая Дион Ворвик. *The Isley Brothers* были одной из крупнейших ритм-н-блюзовых групп того периода, хотя после Джими и сетовал на свою ограниченность в то период как исполняемой музыкой, так и стилем моды. «Я должен был в струе», – пояснял он в одном из интервью в 1967 году. «На нас были белые махеровые пиджаки, лакированные туфли и блестящие прически. Нам было непозволительно выходить на сцене и при этом выглядеть обычно, иначе нас штрафовали на пять долларов. Блин, как я устал от этого». В качестве поощрения для Джими от *The Isley*, который располагался в самом последнем ряду многочисленных музыкантов группы, ему разрешалось сыграть двадцатисекундное соло в каждом сете. Он научился использовать по полной это время и извлекать для себя максимум пользы, но в большинстве случаев его не было видно, или даже вовсе не слышно. Когда турне остановилось в Нешвиле, Джими вышел из группы и присоединился к Джоджиусу Джорджу Оделлу на время небольшого турне.

В выходной день от гастролей с Джорджиусом Джорджем Джими остановился у *Stax Records*. Поровну с наивностью и дерзостью он зашел в

переднюю дверь и сказал, что является приглашены гитаристом, который надеется встретиться с легендой Стивом Кроппером. В это редкий раз в жизни у Джими с собой не было гитары, наверное полагая, что взять с собой гитару на встречу со Стивом Кроппером требуется еще больше мужества, чем у него есть. Секретарша сказала Джими, что Кроппер был занят студии и подойдет позже. «Но позже не будет меня», – ответил Джими.

Кроппер был в студии, когда секретарша пришла и сказал, что молодой парень хочет его видеть; тот попросил выгнать его. Кроппер проработал до шести вечера. Когда он вышел из студии, секретарша сообщила ему: «Этот парень все еще здесь». Джими прождал весь день. «Я не представлял кто бы это мог быть», – вспоминал Кроппер – «но я встретился с ним». Он нашел Хендрикса очень вежливым, кроме того, Джими знал всю дискографию Кроппера. Когда тот поинтересовался о его музыке, Джими скромно ответил: «Я немного играю на гитаре в Нью-Йорке и нескольких других местах». Кроппер спросил, записывался ли Джими в студии, и Хендрикс назвал работы *the Isley Brothers* и «Mercy, Mercy», композиция Дона Ковея, первая в исполнении Джими опавшая в Топ 40. Кроппер был впечатлен: «Ты там играешь? Это одна из моих любимейших композиций. Приятно познакомиться».

Кроппер пригласил Джим на обед, как своего фена и с явным талантом. «в конечном счета я его пригласил обратно в студию», – вспоминает Кроппер. «Мы проговорили много часов и я показал ему парочку рифов». Джими взял гитар Кроппера, чтобы продемонстрировать кусок из «Mercy, Mercy».

Кроппер был идеальным примером профессионального музыканта: он был успешным сессионным музыкантом, который играет оригинальный и самобытный блюз. Кроме того, он был соавтором «Green Onions», хита номер 1 со своей группой Booker T. & the MG's. Хендрикс с удивлением для себя обнаружил, что тот был белым, как и большинство слушателей, он думал что такой прифанкованный звук гитары может быть только у черного. Они оба, в определенном смысле, аутсайдеры, пытающиеся сломать представления о черной и белой музыке.

Когда разговор дошел до сочинительства и о различных приемах, то эти двое говорили на дном языке. Этой осенью Джими исполнилось 22 года и после ежедневных концертов в течении года, его игра наконец созрела. Это слышно по рифу «Mercy, Mercy», это не было копией Би Би Кига и определенно не было копией кого-то еще. «Это было здорово», – вспоминал Кроппер. «Этот риф был чем-то особенным».

Гитара Джими начала говорить.

В СВОЕМ СТИЛЕ Джими завис в Канзас Сити после того, как опоздал на автобус к Джорджиусу Джорджу. Он ждал другой группы, чтобы уехать с

ней обратно, полагая, что может присоединиться к какой-либо группе и выступать, пока будет ехать с ними в автобусе. Конечно другая группа предложила ему работу уже через неделю. «У меня не было денег, и эта группа взяла меня и довезла обратно в Атланту, в Джорджию», – говорил Джими в одном из интервью. Название этой группы осталось неизвестным несмотря на то, что Джими пробыл с ними несколько недель – он играл с таким количеством групп, что даже не смог вспомнить их названия.

Этим летом в Атланте, когда Джими сидел в кафешке со своей гитарой, выстрелил еще один патрон. «Я подошел и просил его, может ли он поиграть», – вспоминает Глен Виллингс, участник состава *the Upsetters* Литла Ричарда. Джими ответил, что как раз закончил выступления, и сейчас находится в поиске очередной возможности. Виллингс взял Джими на собеседование к Литлу Ричарду, который сразу же его и нанял. Говорил ли Джими Литлу Ричарду, как еще ребенком был на его проповеди, как виделся с ним за сценой в *Eagles Auditorium* в Сиэтле, как уже немного репетировал с ним некоторое время назад – неизвестно. Однако, что было странным, учитывая, что Джими было двадцать два, с Ричардом был Бампс Блеквел, который также из Сиэтла, что бы тот позвонил Эллу Хендриксу и получить его согласие перед тем как его формально нанять. «Бампс ... звонил мистеру Хендриксу, чтобы спросить, не против ли что он присоединиться к нам», – рассказал Ричард автору Чарльзу Вайту. «Эл сказал Бампсу: «Ричард является кумиром Джими. Он съест десять ярдов дерьма ради того, чтобы играть в его группе». Литл Ричард вспоминал, что Джими играл «Би Би Кинг блюз» когда присоединился *the Upsetters*, и Ричард решил позволить играть Джими номер, где бы он мог совмещать рок и блюз. Кроме того, Ричард показывал Джими различные сценические фишки, стиль одежды и даже усы; некоторые подобные фишки Ричарда приобрели отдельную славу, и это бахвальство было чистой правдой. Литл Ричард был первым и непревзойденным шоуменом, от которого многие из музыкантов того периода, кто чего-то достиг, что-то почерпнули для себя.

Ричардовские *Upsetters* были наиболее популярной группой-поддержкой из всех, в которых до этого времени доводилось играть Джими, у которой были сильно связаны руки. Кроме того, игра здесь не приносила творческого удовлетворения, потому что вначале Джими выяснил, что первоначально Ричарда замарачивался тем, где должен стоять каждый из членов группы. Во время исполнения Ричардом «Tutti Frutti» и «Good Golly, Miss Molly» толпа неистовствовала, но Джими от вечера к вечеру должен был играть одни и те же аккорды. К тому моменту, когда тур через месяц приехал в Нешвил, Джонни Джонс, первый учитель Джими, отметил, что расположение Джими было далеко от идеального. «Джими играл лучше и стал более ярким, но, я знал, что он не сможет пробыть с Литл Ричардом очень долго», – вспоминал Джонс. «Джими был заметным, но Литл Ричард не мог позволить кому-то быть более ярким, чем он сам».

Пребывание Хендрикса с Литлом Ричардом привело к одной из самых его любимых историй о турне, которую потом он рассказывал с особым

смаком, изображая визгливый голос Ричарда. Эта история была об одном шоу Джими, которому надоела эта «спецодежда» и он одел глянцевую рубашку. После концерта, его обругал и оштрафовал руководитель группы. «Я – Литл Ричард», – кричал, как на проповеди Ричард. «И только я – Литл Ричард! Я Король рок-н-ролла, и только я должен привлекать внимание. Сними эту рубашку».

У *THE UPSETTERS* ВЫДАЛСЯ редкий свободный вечер в Лос-Анджелесе на новый 1964 год. Джими провел его в *Californian Club* на концерте Айка и Тины Тёрнер. Здесь он наблюдал за двадцатилетней Розой Ли Брук, певицей девичьей группы, которой после выразил хоть и не сексуальный комплимент, но зато абсолютно правдивый: «Ты похожа на мою мать», – сказал он. Роза Лии была поразительно похожа на Люсиль. К полуночи они уже целовались, а во время концерта Тины Тёрнер пошли за бургерами. У Брукс был кабриолет Импала, в котором Джими разместился на заднем сиденье и играл все время, пока они ехали, выглядев как почетный гость на параде. Позже они вернулись в его отель. «Мы праздновали новый год всю ночь напролет, до утра, пока не расцвело».

Джими все возмущался Литом Ричардом. Он сетовал, что Ричард унижал его, говорил о сексуальных домогательствах с его стороны, был недоволен формальным подходом того, так как приходится играть каждый раз одно и то же. «Я предпочитаю Кёртиса Манфилда самому себе», – говорил Джими Брукс. Он сказал ей, что сочиняет композиции и работает над материалом для будущей сольной карьеры. Они шутили на тему их совместного дуэта. «Мы собирались стать типа как Мик и Сильвия, или как Аик и Тина», – вспоминала Брукс. Композиция «Love Is Strange» Мика и Сильвии 1958 года была одной из самых любимых Джими.

Джими аккомпанировал Брукс во время нескольких композиций в течение недели, на одном из которых встретил Глен Кемпел. Брукс была удивлена, что Джими знал все о студийных сессиях Кемпел и позиционировал себя, как поклонник совместной работы Кемпел с *the Beach Boys*. Мать Брукс содержала ресторанчик, который привлекал интерес Джими в течении какого-то времени, что поддерживало их страстные сексуальные отношения. Брукс утверждала, что Литл Ричард предложил понаблюдать за тем, как они занимаются сексом с Джими, но это не разрешил сам Джими.

19 февраля написал своему отцу о том, что он был в Лос-Анджелесе. Открытка содержала мало информации: Джими подписался как Морис Джеймс. Это был первый псевдонимов, один из которых он использовал в последующие три года. Почему он стал называть себя Морисом Джеймсом неизвестно, но как-то говорил Розе Ли, что имя Джеймс взял в честь уважения к гитаре Элмора Джеймса. Использование псевдонима говорило о

планах Джими покинуть Литла Ричарда и начать сольную карьеру. Возможно так и было, потому что его поведение на это указывало. Когда в марте этого года он покинул *The Upsetters*, то сразу же присоединился к Айку и Тине Тёрнер. Аик Тёрнер попросил присоединиться к ним не надолго, пока он не начнет яркую сольную карьеру и они «вместе переступят эту преграду», и еще раз он был уволен из группы Литла Ричарда и снова туда же взят.

В начале марта Роза Ли Брукс записала сингл «My Diary» и попросила Джими поиграть в нем на гитаре. Артур Ли был также приглашен для записи и здесь началась долгая дружба между Джими и Ли, которого называли «первым черным хиппи». К началу этой сессии Ли был наиболее известный своей чудаковатостью, гуляющий по окрестностям Голливуда в одном ботинке и солнечных очках, через которые ничего не было видно, но который позже со своей группой *Love* сделал несколько фундаментальных психоделических альбомов. В один день трио записало две композиции, на которых явно просматривается работа Джими. На второй стороне была посредственная «Utee», но на «My Diary» была очень достойная работа Джими, как ученика Куртиса Майнфилда, которую можно было принять за работу Майнфилда. Эту композицию даже крутили некоторые радиостанции Лос-Анджелеса, но она так и не стала хитом.

Несмотря на то, что Джими вернулся к Литлу Ричарду, у них постоянно случались стычки. В апреле перед выступлением в Хантингтон Бич, в Калифорнии, Джими попросил Розу Ли Брукс завить ему волосы – в чем просматривалось противоборство с Литлом Ричардом – одел женскую блузу и шляпу с широкими полями. Вдобавок Джими совершил все, что до этого запретил Ричард. «Он играл зубами, играл, закидывая гитару за спину и трахал гитару», – вспоминала Брукс. «Все сошли с ума». Очевидно именно поэтому Литл Ричард не заплатил ему за это выступление.

Джими зарабатывал по двести долларов в месяц с Ричардом, что было высоким заработком для аккомпанирующего музыканта, но вместе со всеми штрафами этим его деньги и ограничивались. После выступления в Вашингтоне, в Колумбии, он не попал на автобус и когда догнал группу, то оказалось, что его собираются уволить из группы. Позже Джими утверждал, что он самостоятельно покинул группу, но брат Ричарда Роберт Пениман, он же тур-менеджер, рассказал совсем другую историю автору Чарльзу Вайту: «Я уволил Хендрикса. ... Он был чертовски крут, но этот парень никогда не приходил во время. Он всегда опаздывал на автобус, всегда заигрывал с девками и вечно выделывал подобные штуки».

Что касается Розы Ли Брукс, то Джими пообещал ей вернуться в Лос-Анджелес после ухода от Литла Ричарда. Но попав в Гарлем, Лос-Анджелес остался где-то очень далеко. Этой осенью Брукс получила письмо от Джими, в котором тот умолял прислать ему денег, чтобы выкупить из ломбарда свою гитару. Джими рассказал такую же историю, что выкупал свою гитару в том году ни один раз благодаря финансовой помощи со стороны своих подружек – это было единственной вещью, что могло гарантированно достучаться до

сердца того, кто знал о том, как он любит свой инструмент. Даже оставленная любовь такую, как Брукс, которая была за три тысячи миль от него, не могла устоять перед подобной мольбой. Роза Ли послала Джими сорок долларов в месте со своей фотографией. «Я не могла представить Джими без гитары», – вспоминала она. Больше она ничего от него получала.